

18+

Дмитрий Романцев

A person's silhouette stands in the center of a red, textured tunnel. The tunnel walls are rough and uneven. At the end of the tunnel, there is a bright, glowing opening that looks like a hole in a wall, revealing a bright, hazy light. The person is looking out from this opening. The overall color scheme is dominated by red and white.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ
ПАМЯТИ

Пробуждение 2042

Дмитрий Романцев

**Последний день памяти.
Пробуждение 2042**

Романцев Д. А.

Последний день памяти. Пробуждение 2042 / Д. А. Романцев —

«Последний день памяти» — первая книга цикла. Мир не погиб от бомб. Он просто забыл, как жить. 2042 год. Вирус, стёрший человеческую память, оказался инструментом планировщиков нового мира. Вакцина, первый фильтр, среди многих. Четверо незнакомцев идут по руинам цивилизации. Их пути сходятся в городе, где порядок держится на одном человеке. Но порядок — лишь ширма. Память — последнее оружие. Забвение — идеальное преступление. Философская фантастика о том, что делает нас людьми.

Содержание

Дисклеймер	6
Пролог	7
Глава 1. Винсент. Взрыв	9
Глава 2. Винсент. Дорога	14
Глава 3. Лиза. Собаки	19
Глава 4. Лиза. Мёд и кровь	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Последний день памяти Пробуждение 2042

Дмитрий Александрович Романцев

© Дмитрий Александрович Романцев, 2026

ISBN 978-5-0069-5979-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Все события и персонажи данного произведения являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, научными разработками или историческими событиями случайны.

Автор не ставит целью пропаганду каких-либо политических, религиозных или идеологических взглядов. Описанные технологии, медицинские эксперименты и социальные модели представлены исключительно в рамках художественного замысла.

Произведение носит философско-фантастический характер и предназначено для осмысления тем памяти, ответственности и человеческой природы в условиях кризиса цивилизации.

События происходят в альтернативной реальности и не отражают конкретные страны или правительства.

Пролог

Сначала пропали мелочи.

Ключи от машины – не на крючке, не в кармане, нигде. Пароль от почты – тот, который набирал, не глядя десять лет. Имя соседа, с которым здоровался каждое утро: лицо на месте, а имя – дыра.

Потом пропали дни. Вы просыпались в среду, думая, что понедельник. Звонили на работу, которой больше не было. Ехали по маршруту, который вёл в никуда – навигатор помнил адрес, а вы – нет.

Потом города. Вы стояли у собственного дома и не узнавали дверь. Трогали замок – пальцы помнили движение, но голова не помнила зачем.

Потом люди. Жена варила кофе утром, вы заходили на кухню и спрашивали: «Простите, вы кто?»

Она роняла чашку. Кофе растекался по белой плитке. Вы смотрели на коричневую лужу и не могли вспомнить, как называется эта жидкость, и почему женщина перед вами плачет.

А потом пропали вы сами.

Зеркало показывало чужое лицо. Вы трогали щёку, отражение повторяло. Но это были не вы. Вы не помнили, кто вы. Зеркало не врало. Врала пустота на месте памяти.

Вирус не убивал. Он стирал.

Слой за слоем. Как кислота разъедает металл – медленно, методично, без боли. И потому без сопротивления. Вы не знали, что теряете. Каждая потеря уносила и знание о ней. К тому моменту, когда стирать стало нечего, вы уже не помнили, что когда-то были целым.

Мир не рухнул от бомб. Не сгорел в войне. Он просто забыл, как работать.

Когда инженеры забыли, что такое турбина, погас свет. Сначала в одном городе, потом – лавиной, по всей энергосети, как костяшки домино, падающие через континенты. Когда врачи забыли названия лекарств – больницы стали моргами. Когда пилоты забыли, как сажать самолёты, небо замолчало навсегда. Последний рейс приземлился в поле. Шасси не выпустили. Пилот не помнил, какой рычаг.

Потом пришла вакцина.

Её вкалывали всем. Массово. В спешке, которая пахла не спасением, а отчаянием. Очереди у больниц растягивались на километры. Люди стояли сутками, боясь забыть, зачем пришли. Некоторые забывали. Выходили из очереди, брели домой, возвращались на следующий день и вставали снова. И снова.

Двадцати процентам помогло. Память перестала сыпаться. Не вернулась, но остановилась, как трещина в стекле, которая решила больше не расти. Эти счастливики плакали от облегчения и не подозревали, что их удача, не случайность.

Существовал другой препарат... Настоящий. Без побочных, без лотереи, без процентов. Его называли «Новый пастух» – с заботливостью мясника, который гладит овцу перед забоем. Его получили немногие. Те, кто знал заранее. Те, кто планировал. Но это станет известно позже. Намного позже.

Остальным повезло иначе.

Через полтора года после вакцинации у них проявлялись первые симптомы – и они не имели ничего общего с забывчивостью. Глаза стекленели, кулаки сжимались сами, как будто тело готовилось к драке, о которой мозг не просил. Они бросались на людей молча – без крика, без причины, без выражения на лице. Рвали, кусали, крушили. Мозг горел изнутри, и единственным рефлексом, который ещё работал, было разрушение.

Другие просто легли и перестали вставать. Смотрели в потолок. Дышали. Не ели, не пили, не моргали. Угасали тихо, как свечи в комнате, из которой медленно выкачивают воздух.

Третьи умерли от тромбов – быстро, обыденно, без предупреждения. За завтраком. Во сне. На полуслове.

Статистика сходилась на кладбищах. Но кладбищ уже никто не копал.

Это было два года назад.

Вирус никуда не ушёл. Вакцина отработала в обе стороны. Память не вернулась.

И ещё кое-что изменилось.

Зима не пришла.

Солнце, которое десятилетиями грело ровно и предсказуемо, словно взбесилось. Учёные – назвали бы это аномальным солнечным максимумом. Беспрецедентным. Выходящим за рамки всех моделей. Но учёных почти не осталось, и называть было некому.

Жара давила круглый год – безжалостная, мокрая, удушающая. Ледники, которые тысячами сдерживали движение континентов, сползли в океан, и океан поднимался, как зверь, которого отпустили с цепи. Три метра. Пять. Побережья уходили под мутную воду, города превращались в рифы из бетона и ржавого железа.

А под землёй – глубоко, там, куда не достаёт ни память, ни забвение – лёд уходил, и земная кора вздыхала, освобождённая от его тяжести. Порода сдвигалась. Давление менялось. Магма – древняя, терпеливая – находила новые трещины и поднималась.

Медленно. Пока медленно.

Они говорили – технологии нас спасут. Но когда те, кто создавал технологии, забыли собственные имена, выяснилось: машины без оператора – просто металл.

Кое-кто выжил. Не привитые. Привитые из счастливых двадцати процентов. Те, кто прятался. Те, кому повезло, если слово «повезло» уместно, когда просыпаешься в мире, который тебя не знает, и ты не знаешь его.

Они проснулись. Встали. Посмотрели вокруг.

И пошли.

Не зная куда. Не зная зачем. Не помня, кто они.

Но пошли.

Единственная альтернатива – лежать и ждать, пока мох доберётся до костей...

В главных ролях:

Винсент Бёрн – тот, чьё тело помнит больше, чем голова.

И это пугает его сильнее, чем пустой мир вокруг.

Лиза Миллер – та, кто выживает. Любой ценой. Цена растёт с каждым днём.

Оскар Нойт – тот, кто несёт флягу мёртвого брата и формулу, которая может спасти тех, кого не убила вакцина.

Алекс Крушени – тот, кто 333 дня слушал мир через стену. И наконец вышел.

Это книга первая. Пробуждение 2042.

Глава 1. Винсент. Взрыв

Взрыв вбил его в сознание, как гвоздь в доску.

Винсент открыл глаза.

Небо – белое, плоское, раскалённое. Солнце стояло прямо над головой, и смотреть на него было невозможно – как на сварку.

Пластмассовые бортики. Выцветшие до грязно-жёлтого. Песочница. Он лежал в детской песочнице, и песок под спиной был горячий, как противень.

Качели рядом – одна оторвана, болтается на цепи. Скрипит на ветру, которого нет.

Второй взрыв – дальше, глуше, но земля под ладонями дрогнула. Песок посыпался с бортика.

Встал рывком. Ноги держали. Голова хуже. Ссадина на затылке пульсировала, влажная, горячая. Коснулся, пальцы красные.

Ранен. Не критично. Работоспособен.

Слова пришли сами – короткие, рубленые, привычные. Не его слова. Чьи-то. Из пустоты, где должна быть память, а вместо неё – только это: сухой командный язык, как устав, вбитый в кость.

Третий взрыв. Ближе. Столб чёрного дыма поднимался за домами – жирный, маслянистый, тяжёлый. Горело что-то химическое. Склад, заправка – разницы не было. Важен был ветер: дым шёл на восток, значит, ему – на запад. В наветренную сторону. От огня, от яда, от дыма.

Откуда он знал про наветренную сторону?

Двор. Пятиэтажки с облупленной краской, из-под которой проступал бетон, серый и равнодушный. Машины на парковке – мёртвые, покрытые пылью и мхом. Бьюнок пролез через разбитое лобовое стекло ближайшей легковушки и цвёл внутри салона белыми мелкими цветами, как будто устроил себе оранжерею в чужом гробу. Трава по колено из трещин в асфальте – стебли толстые, злые, если представить, что росли в спешке, пока никто не мешает.

Жарко. Воздух густой, влажный, давил на плечи, лез в лёгкие. Не летняя жара – парниковая, мёртвая, без ветра.

Ни одного человека.

Оценка обстановки: периметр не обеспечен, угрозы неизвестны, позиция открытая. Уходить. Быстро.

Эти слова – «периметр», «позиция», «обеспечен». Он не вспоминал их. Они были, как скелет внутри мышц: не видно, но держит всё.

Карманы.

Руки полезли сами, обыскивая собственное тело, как чужое.

Джинсы, карман правый: складной нож. Потёртый, тяжёлый, с фиксатором лезвия. Открыл, лезвие держит. Закрыл.

Карман левый: три капсулы в блистере без маркировки. Тёмно-зелёные, матовые. Понюхал – резкий запах, чесночный, жгучий, пробивающий до затылка. Глаза заслезились.

Куртка, внутренний карман: ещё один блистер – две капсулы, другой цвет, желтоватые. Запах – едкий, горчичный. И пакетик с зелёным порошком, граммов двадцать. Надпись от руки, мелким почерком, буквы почти стёрлись: «РСВ-7. 2 р/д.»

Аббревиатура. Код? Дозировка? Что такое РСВ?

Не знал. Но тело среагировало раньше головы – пальцы уже выдавливали капсулу из блистера, подносили ко рту. Рефлекс, как дыхание. Проглотил.

Горечь обожгла горло, желудок принял с узнаванием – не с удивлением, а так, как принимает привычное. Это тело глотало эти капсулы сотни раз. Может, тысячи. Осталось четыре. Расходовать экономно – откуда бы эта мысль ни пришла, она звучала, как правило.

Зачем – не помнил. Но не выбрасывай то, чего не понимаешь. Так учит пустота.

Рюкзак нашёлся у скамейки, в двух шагах от песочницы. Его? Похоже – лямка в руке легла привычно. Внутри: полная бутылка воды, верёвка, зажигалка, рация. Маленькая, потёртая, антенна обломана.

Рванул к ближайшему подъезду. Дверь – без замка, висела на одной петле. Ступеньки мокрые. Перила липкие от влаги. Поднялся на третий этаж – не выбирая, а зная: не первый (слишком доступно) и не пятый (ловушка, один выход наверх). Третий. Середина. Варианты отхода: лестница вниз, окна во двор, крыша через два пролёта.

Почему я думаю, как тот, кто планирует отступление, ещё не войдя в здание?

Квартира с открытой дверью. Вошёл, прижимаясь к стене. Прислушался – безмолвие, густое, как кисель, даже водопровод давно не гудел. Проверил комнаты: кухня, спальня, ванная. Чисто. Пусто. Пыль лежала ровным слоем – значит, давно никого не было. Хорошо.

Холодильник мёртвый. В морозилке – пакет для льда с остатками воды. Тёплая, затхлая. Пил медленно, мелкими глотками. Знал, что быстро нельзя – спазм, потеря сознания, рвота. Кто-то когда-то вбил это в него. Инструктор? Командир?

Не помнил. Но тело помнило.

На балконе холщовый мешок. Сухари, твёрдые как камень. Откусил, челюсти заныли, но желудок сжался от благодарности. Сколько он не ел? Не знал. Организм подсказывал: давно.

Снаружи крик.

Нечеловеческий. Утробный, рваный – как будто кто-то рвал голосовые связки изнутри, не от боли, а от чего-то хуже боли. От пустоты, которая заполнилась единственным, что осталось.

Подошёл к окну. Вдоль стены, не высываясь целиком. Одним глазом.

Во дворе человек.

Мужчина. Босой, в рваной рубашке. Стоял посреди двора, раскачиваясь, как маятник, у которого сломалось крепление. Руки сжаты в кулаки. На костяшках – кровь. Не его: слишком много, и отпечатки рук на рубашке.

Агрессивный. Побочка вакцины.

Слова всплыли из ниоткуда – точные, клинические. Он знал это, как знал про периметр и наветренную сторону. Знал, что к этому человеку нельзя подходить. Нельзя звать. Нельзя показываться.

Мужчина дёрнул головой – резко, по-птичьи – и устоялся на подъезд. На его подъезд. Замер, как собака, взявшая след.

Потом пошёл. Не побежал – пошёл. Быстрым, механическим шагом, без колебания, без мысли. Прямо к двери.

Вариант первый: сидеть тихо, надеяться, что не поднимется. Вероятность – низкая. Шум был, шаги по полу.

Вариант второй: крыша. Через два пролёта. Бежать сейчас.

Вариант третий: драться.

Винсент выскочил из квартиры, взлетел по ступенькам – два через три, на носках, вес на переднюю часть стопы. Тихо. Быстро.

Снизу – грохот. Дверь подъезда ударилась о стену. Шаги – тяжёлые, быстрые, без ритма. Поднимался.

Люк на крышу – заржавел. Видно с площадки. Не откроет тихо, не откроет быстро.

Лестничный пролёт между четвёртым и пятым. Тень. Узко. Стена с одной стороны, перила с другой.

Прижался к стене. Замер. Дыхание – через рот, медленно, бесшумно.

Шаги – третий этаж. Ворвался в квартиру, где Винсент был две минуты назад. Грохот – опрокидывал мебель, бил в стены кулаками, ломал то, что ещё не было сломано.

Не нашёл.

Вышел на лестницу. Стоял. Слушал. Дышал тяжело, с мокрым хрипом.

Потом пошёл вверх.

Четвёртый. Пятый.

Прямо к нему.

Винсент сжал кулаки. Ничего в руках – нож в кармане, но на такой дистанции ножом не угрожают. Им либо режут – либо не достают вовсе. А убивать он не хотел.

Пакетик с зелёным порошком.

Мысль сработала быстрее страха: концентрированный экстракт, изотиоцианаты, капсаицин – слова, которых он не помнил, но руки уже рвали пакетик зубами. Зелёная горка на ладони – резкая, едкая, жгучая.

Мужчина вышел на площадку. Увидел. Глаза – стеклянные, расширенные зрачки на всю радужку. Лицо – пустое, без выражения, как маска, за которой никого не осталось. Руки – сжаты, кровь на костяшках засохла бурой коркой.

Шагнул.

Винсент метнул порошок ему в лицо.

Зелёное облако ударило в глаза, в нос, в открытый рот. Концентрат – не приправа: чистый экстракт жёг слизистую, как кислота.

Мужчина захрипел, схватился за лицо обеими руками. Отшатнулся, врезался спиной в перила. Зарычал – низко, страшно – и бросился вперёд, вслепую, размахивая кулаками.

Кулак прошёл у виска. Воздух свистнул.

Винсент ушёл вбок – тело двигалось само, быстрее, точнее, чем он мог осознать. Перехватил руку, крутанул, толкнул в стену. Мужчина ударился лицом о бетон – звук был мокрый, тяжёлый. Развернулся, замахнулся снова.

Поднырнул. Короткий удар в солнечное сплетение – жёстко, точно, под правильным углом. Рука знала. Рука делала это не в первый раз. И не во второй.

Мужчина согнулся, хватая ртом воздух. Слёзы текли по щекам – экстракт жёг, и жёг сильно.

Винсент отступил. Дистанция. Руки подняты, центр тяжести низко.

– Не хочу бить, – сказал ровно.

Бесполезно. Глаза мужчины – пустые. Там нет никого. Только рефлекс, только разрушение, последний огонёк в сгоревшем доме.

Мужчина поднялся. Шатаясь, но снова шёл на него.

Ведро – ржавое, у стены, рядом с пожарным щитом. Винсент схватил, ударил плашмя по голове. Звон металла в бетонном колодце лестницы.

Мужчина рухнул. Не шевелился.

Дышит. Пульс на шее – есть. Вырублен.

Винсента стошнило во дворе. Он стоял, упёршись ладонями в колени, и его выворачивало – не от вида крови, не от удара. От осознания, что тело сделало всё это без разрешения. Вошло в режим, отработало, вышло. Как машина, которую завели ключом, а водитель проснулся уже на финише.

Руки тряслись. Не от страха – от адреналинового отката. И от привычки: тело не впервые это делало. Мышцы помнили то, что стёрла память. Что-то, за что не дают медалей.

Кто я такой?

Пустота. Только птица где-то – одинокая, испуганная.

Выпрямился. Вытер рот. Двигаться. Не останавливаться.

Включил рацию. Шипение. Крутил колёсико медленно – палец двигался уверенно, привычно, будто настраивал сотни раз.

Шум. Помехи...

Потом – голос. Мужской, спокойный, чёткий:

– ...Город открыт... регистрация на площади... повторяю... город открыт... безопасность гарантирована... приходите...

Сигнал оборвался.

Город. Площадь. Регистрация. Запомнил – на бумагу запишет, если найдёт.

Перекинул рюкзак через плечо. Проверил нож – открывается, лезвие держит. Пересчитал капсулы: четыре осталось. Зелёный порошок – использован. Не жалеть.

Посмотрел на солнце. Высокое, белёсое, злое, как глаз, который не моргает.

Запад. Город на западе.

Пошёл.

Через три шага остановился. Вернулся к стене подъезда. Поднял кусок угля – чёрный, жирный, от чьего-то давнего костра. Написал крупно:

«Свет ведёт. – В.»

Не знал, зачем. Слова пришли готовые, тёплые, как чужой голос из детства. Не его слова. Чьи-то маленькие. Высокий голосок: «Свет даст нам силы. Свет укажи мне путь...»

Дочь?

Сердце сжалось больно, физически, как спазм. Образа не было, лица не было, только голос, звонкий, залиvistый, и ощущение маленькой руки в его ладони.

Стиснул зубы. Пошёл. На запад.

Четверо не отставали. Молча, на жилах, на упрямстве. Не спрашивали зачем – знали. Или чувствовали. Или просто бежали... Бежать за кем-то – легче, чем стоять одному.

Ели на ходу – последние сухари, жёсткие, как щебень. Воду – из ручьёв, не кипятя, некогда. Ночью спали по три часа, вповалку, прижавшись друг к другу – не от холода, от усталости. Винсент – меньше: закрывал глаза и видел лицо, которое теперь помнил – чётко, ясно, до родинки на шее, до морщинки у левого глаза, до привычки закусывать губу, когда злится.

Марина. Карие глаза. Тёмные волосы. Смех – запрокинув голову, заразительно, невозможно не засмеяться в ответ.

Глава 2. Винсент. Дорога

Город за спиной догорал. Дым тянулся вдоль горизонта чёрной полосой, жирной и тяжёлой, похожей на шрам, который мир не успел перевязать. Винсент шёл, не оглядываясь. Правило: не смотреть на то, что нельзя исправить. Чьё правило, не помнил. Но оно работало, как всё, что осталось от стёртой жизни: без объяснений, зато без сбоев.

Асфальт размяк под ногами – вязкий, местами проваливался под каблуком, как тесто. Два года без зимы превратили дорогу в большое тело: трещины разъедали полотно, из каждой лезла трава – заполняющая зелёная мощь. Мох покрывал стены домов, фонарные столбы, дорожные знаки, как будто природа вернулась и занялась ремонтом по собственному проекту.

Жара давила с неба и поднималась от земли одновременно, и между этими двумя прессами Винсент шёл, как между ладонями, которые медленно сжимаются. Пот высыхал прежде, чем успевал стечь. Губы трескались. Воздух пах нагретым металлом и пылью.

Инвентаризация:

Вода – 500 мл. При такой температуре и нагрузке – часов на шесть, если не больше. Еда – четыре сухаря. На сутки, если растягивать. Оружие – складной нож, лезвие восемь сантиметров. Капсулы – четыре штуки, назначение неизвестно, но тело знает. Связь – рация без антенны, одна частота ловит. Знания о себе – умею драться, думаю, как военный, имя – Винсент. Остальное – ноль.

Шёл три часа. Экономил воду – глоток раз в сорок минут, не чаще. Тело подсказывало ритм. Кто-то когда-то научил его ходить по жаре – распределять нагрузку, дышать через нос, не разговаривать на ходу.

Машина стояла поперёк дороги – внедорожник, пыльный, с ключами в замке. Подошёл, протянул руку к двери – и остановился, не коснувшись. Волосы на предплечье встали дыбом.

Статика. Нет – электричество. Кто-то подключил аккумулятор к корпусу. Ловушка? Защита. Кто-то жил в машине и не хотел незваных гостей.

Обошёл. Внутри пусто. Ушли. Но ловушку не сняли.

Записал мысленно: машины не трогать.

Надписи начались у заправки.

Углём, краской, мелом. На стенах, на асфальте, на проржавевших вывесках – как следы пальцев, которые оставляет утопающий на всём, до чего дотянется.

«Идём на запад. Там безопасно.»

«Вода кончилась. Если найдёте – оставьте у дерева.»

«Маша, если читаешь – я у моста. Жду. Дерек.»

«Не ходите к складам – там стреляют.»

У последней надписи задержался. Дерек ждал Машу. Может, дождался. Может – нет.

Поднял уголь:

«Дерек – иди на запад. К городу. – Винсент.»

Не знал, жив ли Дерек. Но оставил – как маяк. Маленький, бессмысленный, бумажный кораблик, брошенный в реку. Но маяк.

Дальше, под каждым посланием:

«Свет ведёт. – В.»

Зачем? Не мог объяснить. Но каждый раз, когда писал – внутри теплело. Что-то далёкое, детское, настоящее.

Плач он услышал раньше, чем увидел источник.

Тонкий, надрывный, с хрипом – так плачет ребёнок, у которого кончились силы, но не кончилось горе.

Сошёл с дороги, двигаясь вдоль кустов. Рука на ноже, но не доставать – ребёнок. Глаза – вперёд. Периферийное зрение – по сторонам.

За автобусной остановкой – мальчик. Лет десяти. Сидел на земле, обхватив колени, раскачивался. Рюкзак рядом – пустой, вывернутый наизнанку.

Один. Тощий. Губы белые, потрескавшиеся.

– Эй, – тихо. Не резко. Как говорят с испуганным животным.

Мальчик вскинул голову. Глаза – огромные, красные, в синих полумесяцах обезвоживания.

– Не подходи!

– Не подхожу. Стою здесь. Ты один?

– Был с мамой. Потом она... ушла за водой. И не вернулась. Два дня.

Два дня. Без воды. На такой жаре.

Винсент медленно достал бутылку. Поставил на землю. Отошёл на три шага.

– Пить быстро нельзя. Маленькими глотками. Считай до трёх между глотками.

Мальчик смотрел на бутылку, потом на него, потом снова на бутылку – голод и страх дрались в его глазах, и голод победил. Подполз, схватил, начал пить жадно, захлёбываясь.

– Медленнее! – резко. – Считай. Раз, два, три – глоток. Раз, два, три – глоток.

Мальчик закашлялся, но послушался. Пил. Считал. Дышал. Пил.

– Как тебя зовут?

– Тим.

– Винсент. Куда мама ушла?

– К колодцу. Туда – показал на север.

– Далеко?

– Она сказала – час. Но не вернулась.

В этом мире час пешком – это расстояние, за которым могло случиться всё.

Два варианта: мать жива и не может вернуться – ранена, заблудилась, попала в чужие руки. Или мертва. Третий вариант: ушла специально, бросила – существовал, но Винсент не стал его озвучивать.

– Тим. Я иду на запад, к городу. Там люди, порядок, еда. Пойдёшь со мной?

– А мама?

Вопрос, на который нет хорошего ответа. Только честный.

– Оставлю ей знак. Куда мы пошли. Если жива – найдёт.

Мальчик смотрел долго – по-взрослому, тяжело, как будто прожил не десять лет, а сорок.

– Ладно.

Написал на стене остановки:

«Мать Тима – он со мной. Идём на запад, к городу. – Винсент.»

Шли. Тим плёлся сзади него – ноги заплетались, но не жаловался. Упрямый.

Жара поднималась к полудню, и воздух стал почти твёрдым – горячий, влажный, тяжёлый, как мокрое полотенце на лице. Асфальт под ногами плыл маревом.

Через час Тим замолчал. Через полтора – начал шататься. Через два – упал.

Винсент обернулся на звук – мальчик лежал на дороге, белый, губы серые, зрачки расширены. Дышал часто и мелко, как птица.

Тепловой удар.

Слова пришли вместе с действием – одновременно, как вспышка: подхватил, перенёс в тень под навесом остановки, положил на бок, голову ниже. Снял с себя куртку, смочил водой – последней водой – обернул Тиму шею, запястья. Ноги поднял на рюкзак.

– Тим. Тим! Открой глаза.

Мальчик застонал. Веки дрогнули.

– Дыши медленно. Через нос. Считай – помнишь? Раз, два, три.

Действия шли впереди мыслей – не как рефлекс, а как чтение с листа: он знал следующий шаг раньше, чем мог объяснить почему.

Медицинские действия – не врачебные, но полевые. Первая помощь. Натренированная. Вбитая повторениями, которых он не помнил.

Кто меня учил этому? Инструктор? База? Учебный лагерь?

Образ мелькнул – короткий, как вспышка спички: бетонная комната, запах пота и оружейного масла, чей-то голос: «Если боец упал – ты не врач. Ты время. Купи ему время до эвакуации.»

И пропал.

Тим открыл глаза. Мутные, но живые.

– Дядя Винсент...

– Лежи. Не вставай.

– Я умру?

– Нет. Не сегодня.

Мальчик попытался улыбнуться. Не получилось – губы слишком сухие. Но попытался.

– Дядя Винсент?

– Да.

– Ты военный?

Пауза. Длинная, как дорога впереди.

– Почему спрашиваешь?

– Ходишь так. Смотришь по сторонам, а голову не поворачиваешь. Как военные в кино.

– Не помню. Может быть.

– А кого ты помнишь? Семью?

Вопрос ударил – не в голову, в грудь. Что-то сжалось: не мысль – ощущение. Тепло. Маленькая рука в ладони. Запах – детский шампунь, клубничный. Высокий голос: «Папа, смотри!»

– Чувствую, что были... жена... дочь... но лиц нет. Только тени.

– Как призраки?

– Вроде того. Тёплые призраки.

Тим кивнул серьёзно:

– У меня тоже. Мамино лицо помню, а папино – тень. Может, его не было. А может, забыл.

Лежали в тени, ждали, пока жара чуть отступит. Молча. Каждый со своими тенями.

К вечеру, когда солнце сползло ниже и воздух стал не горячим, а просто тёплым, вышли к развилке. Прямо – открытая дорога, просматривается на километры. Влево – холмы, заросли гуще, темнее. Справа – мост через реку. Река обмелела, но вода блестела в последнем свете – тусклая, мутная, но вода.

Тихий треск. Не рация – костёр. За холмами.

Костёр – люди. Возможность или опасность.

– Тим. Стой здесь. За камнем. Не высовывайся.

– Куда ты?

– Разведка. Пять минут.

Мальчик побледнел:

– Не уходи. Пожалуйста.

– Пять минут. Если не вернусь за десять – иди прямо. По солнцу. К городу. Не сворачивай.

Тим сжал губы. Кивнул.

Винсент двинулся к холмам – тихо, пригнувшись, используя кусты. Тело вело: перебежка, остановка, слушать, перебежка. Автоматика. Чья-то школа.

За холмом – поляна. Костёр. Двое.

Один – крупный, бородатый, ел из банки. Второй – помоложе, нервный, крутил головой.

Между ними – рюкзаки. Три. Один – розовый, с детскими брелоками.

Мамин. Тима.

– Ты охранника видел? – спросил молодой, хрипло.

– Какого?

– У склада. На западе. Люди набирают. Порядочек у них.

– А баба? Которая к колодцу шла?

Винсент замер.

– Убежала. Быстрая. Рюкзак бросила. Нам же лучше – жратвы на два дня.

– А если вернётся?

– Не вернётся. Одна она. С пацаном. Пацана видел на дороге – тощий, на остановке.

Не опасен.

Мать Тима жива. Убежала от этих двоих. Бросила рюкзак. Потерялась или прячется.

А эти – мародёры. Не агрессивные, не безумные. Обычные. Человеческие. Те, кому не нужен вирус, чтобы отнимать чужое.

Вернулся к Тиму.

– Жива?

– Двое за холмом. У них мамин рюкзак. Она убежала, они не догнали.

– Надо найти маму!

– Сначала рюкзак. Потом маму. По порядку. Доверяешь?

Тим смотрел снизу вверх – десять лет и глаза старика.

– Да.

– Ждём ночи.

Костёр угас до углей. Бородатый захрапел первым. Молодой ворочался ещё двадцать минут, потом затих.

Винсент двинулся.

По земле, низко, на четвереньках. Колени в мокрой траве. Каждый шаг – бесшумный: стопа с пятки на носок, пережат, вес переносить медленно. Это не импровизация – это навык, отточенный сотнями повторений. Чья-то школа. Чья – не помнил.

Но вот что странно: красть в темноте было привычнее, чем бить на лестнице. Руки не дрожали. Дыхание ровное. Как будто тело знало – это его стихия. Не бой, а тень. Не удар, а тишина.

Кто я – если в темноте мне спокойнее, чем при свете?

Розовый рюкзак – у бородатого под боком. Ремень под рукой.

Нож. Открыл беззвучно. Срезал ремень одним движением. Подцепил рюкзак. Потянул – медленно, миллиметр за миллиметром.

Бородатый повернулся во сне, пробормотал что-то.

Замер. Десять секунд. Двадцать. Храп вернулся.

Подтянул. Прижал к груди. Отполз – метр, два, пять.

Встал за деревом. Выдохнул.

Тим раскрыл рюкзак, зарылся лицом – нюхал, искал мамин запах. Вытащил свитер, прижал. Потом фотографию. Мятую, потёртую. Женщина и мальчик. Улыбаются.

– Это мы. Она помнит меня.

Винсент отвернулся. Где-то в темноте его пустой памяти тоже была фотография. Которую он не помнил. Но знал, была.

Утром мать нашлась сама.

Шла навстречу по дороге – хромая, с рассечённой бровью, грязная, живая. Увидела Тима – побежала, упала на колени, обхватила, рыдала, не стесняясь.

Тим рыдал тоже.

Винсент стоял в стороне, смотрел на солнце – опять белое, злое, невыносимое. Горло сжимало.

– Спасибо, – сказала женщина, подняв мокрое лицо. – Как вас зовут?

– Винсент. Идём вместе? На запад, к городу. Там порядок.

Написал на камне у обочины:

«Свет ведёт. – В.»

В голове – голос из рации: «город открыт... регистрация...»

– Дядя Винсент! Спасибо!

Кивок с прищуром.

– Береги родных!

Глава 3. Лиза. Собаки

Очнулась на обочине.

Первое: жара. Давила на грудь, на веки, на мысли – как если бы кто-то положил на лицо горячую мокрую тряпку и забыл убрать. Воздух пах асфальтом и чем-то сладким, растительным – цветущим сорняком, разросшимся в щелях дороги.

Второе: одежда. Серые спортивные штаны, обвисшие на бёдрах. Грязная куртка – не её размер, плечи свисают. Кроссовки дешёвые, левая стоптана, правая жмёт.

Третье: имя. Лиза Миллер. Или не Миллер – фамилия сидела в голове непрочно, как наклейка, которую уже подцепили ногтем.

Четвёртое: карманы.

Руки полезли сами – привычка, не решение.

Телефон мёртвый, экран в паутине трещин. Бесплезен. Хотя если бросить в кого-нибудь – увесистый.

Помада – тёмно-красная. На колпачке – остатки надписи: «Bug...» Бесплезна. Хотя... нет. Бесплезна.

Расчёска – сломана пополам.

Бутылка воды – треть. Тёплая.

Батончик. Один. Протеиновый, судя по обёртке.

Лиза откусила ровно половину. Жевала медленно, закрыв глаза, считая каждую крошку – не зубами, а чем-то глубже: ощущением, что каждый грамм на счету и впереди – не ресторан, а неизвестность. Вторую половину завернула, спрятала во внутренний карман, застегнула молнию.

На чёрный день.

Посмотрела вокруг. Дорога. Поле за канавой, заросшее в непроходимую зелень. Тишина – не мирная, а пустая, как комната, из которой вынесли всё.

Встала. Ноги держали. Голова мутная, но рабочая. Наклонилась к луже на дороге – лицо незнакомое: худое, скуластое, без макияжа, без ничего. Ногти обломаны.

Раньше были ногти. Длинные, ухоженные, с покрытием, которое держалось три недели. Кто-то платил за них – она сама? Кто-то другой? Дыра.

Приоритеты. Вода. Еда. Укрытие. Всё остальное – роскошь, которую этот мир не продаёт.

Пошла по дороге. Направление – случайное. Или нет: тело тянуло вперёд, уверенно, и спорить с единственным компасом, который работал, было глупо.

Деревня показалась через час – пять домов, покосившиеся заборы, огороды, заросшие до полной непроходимости, тишина, в которую можно было упасть.

Первый дом – пустой. Дверь открыта. Внутри перевёрнутый стол, битая посуда на полу. Кто-то был, ушёл или вынесли – разницы для неё не было.

Прислонилась к стене, переводя дух.

Рычание.

Тихое. За спиной. Очень близко.

Обернулась медленно. Тело замерло раньше, чем голова успела испугаться – старая программа, запущенная без пароля. Без резких движений. Знала, что голос нужно держать ровным, а руки – на виду. Инструменты, которые остались после того, как исчезло всё остальное.

Собака. Одна. Тощая – рёбра наружу, шерсть клочьями. Глаза жёлтые, неподвижные, сосредоточенные.

Из-за угла – вторая. Справа – третья. Слева – ещё две. Из канавы – шестая. За сараем – седьмая.

Семь.

Стая. Не лают. Молчат.

Молчаливые собаки – хуже лающих. Лай – предупреждение, разговор. Молчание – работа. Охота.

Ближайшая оскалилась. Жёлтые клыки, бледные дёсны – голодные, больные, терять нечего. Шаг вперёд.

Лиза потянулась к карману. Батончик. Половина. Семь собак. Арифметика, в которой любой ответ – неправильный.

Не бежать. Побежишь – догонят. Догонят – конец.

– Тихо, – сказала Лиза. Голос ровный, низкий. Руки дрожали, но голос – нет.

Голос – инструмент. Контролируй голос – контролируешь ситуацию. Откуда эта фраза? Переговорная комната? Совещание? Чей-то голос: «Лиза, ты сейчас единственная в комнате, кто не паникует. Используй это.»

Осколок. Бесплезный и спасительный одновременно.

Вторая собака зарычала. Третья. Круг сжимался – медленно, уверенно, как петля.

Лиза отступила – нога наткнулась на камень, колено подвернулось, и она упала на спину.

Стая дёрнулась вперёд.

И замерла.

Из-за сарая вышел он.

Огромный. Чёрный. Грудь как бочка, лапы – каждая с блюдце, морда квадратная, спокойная, без суеты. Шёл не быстро и не медленно – шёл так, как ходят те, кого не нужно торопить. Все и так подождут.

Стая расступилась. Без звука. Без борьбы. Просто отошли – по одной, опуская головы, поджимая хвосты. Иерархия, понятная без слов.

Пёс прошёл мимо них, подошёл к Лизе. Сел. Посмотрел на батончик. Потом на неё. Спокойно, без угрозы. Просто: «Ну?»

Лиза дрожащей рукой протянула батончик.

Пёс взял аккуратно – губами, не зубами. Сжевал. Облизнулся. Не отошёл. Прислонился боком к её ноге – тяжёлый, тёплый, пахнущий пылью и псиной.

Стая ушла по одному, молча, растворяясь в зарослях.

Лиза сидела на земле, прижавшись спиной к стене, рука на жёсткой шерсти пса, и чувствовала, как отпускает: не страх, а одиночество. Впервые за всё время, которое помнила (и которое не помнила тоже), рядом было что-то живое и не враждебное.

– Ты теперь со мной, – сказала тихо. – Не обсуждается.

Пёс не возражал.

– Лютик. Будешь Лютик.

Голову поднял. Посмотрел. Как будто всегда так звали.

Колодец нашёл он. Встал и пошёл – уверенно, не оглядываясь, как будто знал дорогу. Лиза – за ним. Другого плана не было. Доверять шестидесятикилограммовой собаке было проще, чем собственной дырявой памяти.

Колодец – за третьим домом, старый, каменный, ведро на цепи. Тянула долго, тяжело – руки дрожали, плечо хрустнуло. Вода мутная, холодная, с привкусом железа и земли.

Кипятить бы. Но огня нет, зажигалки нет, спичек нет.

Отпила. Вкус – как пить сам мир: грязный, живой, настоящий.

Лютик пил из ведра – жадно, громко, разбрызгивая.

Дом – последний в деревне. Печка, стол, сервант. В серванте – книги. Пыльные, жёлтые, пахнущие мышами и забвением.

Лиза вытащила первую попавшуюся. Обложка – зелёная, потёртая.

«Грибы и съедобные растения средней полосы.»

Открыла. Листала – сначала без интереса, по инерции, как листала бы журнал в приёмной.

«Бледная поганка: кольцо на ножке, вольва у основания. Яд – аматоксин. Смертельная доза – 30 граммов. Симптомы через 6—24 часа: рвота, диарея, ложное улучшение, затем некроз печени. Лечение: промывание, активированный уголь, немедленная госпитализация.»

Немедленная госпитализация. Смешно. Какая госпитализация, когда ближайший врач – вероятно, труп или не помнит, где у стетоскопа какая сторона.

«Подорожник – природный антисептик. Содержит аукубин, подавляющий патогенную флору. Размять свежие листья, приложить к ране, менять каждые 3—4 часа.»

«Сыроежка жгучеядкая – условно съедобна. Горький вкус. Варить не менее 20 минут.»

«Прополис: мощный природный антибиотик. Спиртовая настойка прополиса – для обработки ран и полоскания. Сочетание с мятой усиливает противовоспалительный эффект.»

Лиза остановилась на этой строке. Перечитала. Ещё раз.

Прополис. Спирт. Мята.

Три слова, которые пока ничего не значили. Но мозг зацепился – как зацеплялся за цифры в отчётах, за паттерны в графиках, за несовпадения, которые все пропускали, а она нет.

Запомнить. На потом.

Читала до темноты. Страница за страницей, впитывая жадно, цепко – как раньше впитывала что-то другое, важное, нужное. Квартальные отчёты? КРІ? Что такое КРІ?

Дыра. Но навык – цел: выделять главное, отсекал лишнее, систематизировать. Мозг работал, как машина, которую пересадили из одного автомобиля в другой – двигатель тот же, а корпус чужой.

Каждая страница – оружие. Каждое растение – патрон. Разница между сыроежкой и бледной поганкой – разница между жизнью и смертью. Раньше такие разницы стоили чьей-то карьеры. Теперь – чьей-то жизни. Прогресс, если подумать.

Легла на пол. Плед – найденный в спальне, пыльный, но тёплый.

Лютик дышал ровно рядом, прижавшись боком. Грелка весом в шестьдесят кило и с зубами, которые могут перекусить палку в два сантиметра. Идеальный сосед.

Посмотрела на свои руки. Грязные, ободранные, ногти сломаны до мяса.

Раньше был маникюр. Кресло, музыка, кофе. Тонкие пальцы, гель-лак, мастер по имени... дыра.

Сжала кулаки. Эти руки сегодня тянули ведро, рвали подорожник, держали книгу, которая стоит больше любого маникюра.

Закрыла глаза. Лютик вздохнул – тяжело, по-стариковски. Последнее, что слышала, обнимая книгу.

Глава 4. Лиза. Мёд и кровь

Утром разбудил голод.

Не тот вежливый голод, который напоминает о себе урчанием и решается бутербродом, а другой – властный, требовательный, скручивающий живот, как мокрую тряпку. Организм вёл бухгалтерию строже любого аудитора: половина батончика вчера, до этого – неизвестно. Баланс отрицательный. Счёт просрочен.

Лиза встала, свернула плед, убрала книгу в найденную сумку – холщовую, с оторванной ручкой, которую перевязала верёвкой от занавески. Проверила бутылку: полная, набрала вчера из колодца.

Лютик ждал у двери. Стоял, смотрел, не скулил – просто ждал. С достоинством существа, которое знает, что его подождут в ответ.

– Еда, – сказала Лиза вслух, и слово прозвучало как приказ. – Всё остальное – факультативно.

Вышли.

Лютик обнюхивал кусты методично – остановка, вдох, фырканье, дальше. Система. У пса была система, и Лиза шла за ним.

Поляну с ульями нашёл он.

Шесть штук – покосившиеся, потемневшие от дождей, заросшие по основанию бурьяном. Жужжание – плотное, густое, вибрирующее, как будто воздух сам гудел. Запах – сладкий, восковой, живой.

Мёд. Калории, антисептик, консервант. Книга говорила: хранится вечно. Одна рамка – еда на три дня. Если взять. Если не убьют.

Подошла медленно. Один улей приоткрыт – крышка сбита ветром. Соты видны: золотые, тяжёлые, мерцающие на солнце, как что-то драгоценное, чем они и были – в мире, где золото не стоило ничего, а сахар стоил жизни.

Пчела вылетела навстречу. Покружила у лица. Села на щёку.

Лиза не дышала.

Лапки щекотали. Пчела ползла по скуле, деловито, как инспектор. Взлетела.

Медленно протянула руку. Пальцы коснулись сот – тёплые, липкие, мягкие. Потянула рамку. Вытянула —

Рамка в руке... Улей качнулся. Пчёлы вылетели все разом – не по одной, а стеной, гудящей, яростной.

Лиза рванула назад. Лютик – впереди, умнее, не ждал.

Жалили: шея – огонь, рука – игла, ухо – раскалённый гвоздь. Лиза влетела в кусты, перекатилась, закрыла голову руками. Лежала, вжимаясь в землю, пока гудение не отступило к ульям и не стихло до прежнего ровного гула.

Десяток укусов. Каждый пульсировал отдельным сердцем.

Посмотрела на руку. Соты – целы. Прижала к груди.

Раньше за обед платила картой. Теперь – кожей. Курс изменился.

Откусила. Мёд заполнил рот – густой, тёплый, цветочный, настоящий. Не из банки, не из магазина – из мира, в который она попала и в котором всё было настоящим: и еда, и боль, и цена.

Дала кусок Лютику. Тот проглотил мгновенно, не жуя. Уставился.

– Нет. Моё. Я за это страдала.

Лютик отвернулся – медленно, с таким выражением морды, что Лиза, несмотря на горящие укусы и пустой желудок, и пустую память, засмеялась. Хрипло, больно, но засмеялась. Первый раз.

Его нашёл Лютик.

Свернул с тропы, зарычал тихо – и тут же заскулил. Опасность и жалость одновременно: комбинация, которую Лиза уже научилась читать.

Мужчина лежал у ручья лицом вниз. Левая рука под телом, правая – в воде по запястье. Не двигался.

Подошла. Присела. Пальцы на шее – пульс: слабый, быстрый, нитевидный.

Жив.

Перевернула. Мужчина застонал, открыл глаза – серые, мутные от боли и жара.

– Вода...

Зачерпнула из ручья, поднесла к губам. Пил жадно, давился, кашлял.

– Медленно. Не торопись.

Послушался. Или не мог быстрее.

Осмотрела – быстро, цепко.

Лицо: загорелое, осунувшееся, щетина недельная. Плечи широкие – когда-то спортивный или просто генетика. Одежда: рубашка порвана на груди, джинсы, один ботинок. Второй потерял.

Руки. Его руки.

Длинные пальцы, аккуратные, даже сейчас – в грязи и крови – видно: привыкшие к чему-то точному. Не к лопате и не к топору. К клавиатуре? К рулю дорогой машины?

И запах. Под потом, под грязью, под болезнью – что-то. Знакомое. Не «кажется знакомым» – знакомое, как звук собственного имени, произнесённого чужим голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.